

Я из тех людей, что слишком дорожат своим лицом: уж лучше проиграть во всём, но не стать никчемным слабаком, о которых вечно твердит мой отец. Мужчине, который не может оправдать даже самых элементарных ожиданий собственного отца, в этом мире делать нечего.

Поэтому, когда начались тренировки, я ничуть не оробел.

Гвоздём программы, как и предсказывал Цзан Гуаньмо, стали танцы. Учитель — мужчина лет двадцати пяти, одетый в облегающее трико, с копной растрёпанных волос, перехваченных красной банданой, — типичный артист. В статике он выглядел как-то женственно, но стоило ему начать двигаться — в нём просыпалась невероятная энергия.

Сначала нам включили запись, велел повторять движения. Я выложился по полной, но после занятия чувствовал себя совершенно разбитым, а в голове будто крутилась карусель. Учитель шептался с Секси, указывая пальцем на меня. Остальные заметно нервничали, лишь Цзинь Ли сохранял на лице полное безразличие. В общем, база у меня была никудышная, и даже простые упражнения выматывали до полусмерти.

Цзан Гуаньмо фыркнул: Цзяо Цзяо, ты только глянь. Я его рано или поздно приблю.

Я усмехнулся: Не стоит. Я только начал, не надо мне тут воду мутить. Усталость — это ерунда, сейчас ещё не время расслабляться.

Секси, до того сомневавшийся, услышав мои слова, разгладил хмурое чело и кивнул учителю: Хорошо, поступай по своему усмотрению. Забери их всех на тренировку, — затем он обернулся ко мне: — Цзяо Ян, у тебя слабая база, ты не поспеваешь за остальными, так что начнёшь с допзанятий. Видеокассеты с уроками оставлю тебе. Когда сможешь влиться в группу — зависит только от тебя.

Цзан Гуаньмо, замыкавший шествие, дождался, пока все уйдут, воровато выудил кассету из видеоплеера и, прицелившись, бросил её мне: Лови. Это сокровище, береги его.

Промотав утренние эротические сцены, я нажал Play и чуть не выплюнул воду. Издевательство, да и только: на экране во весь рост красовался А Ка — с заурядной внешностью и крайне недовольной миной. Эй, ты, мелкий паршивец по фамилии Цзан, ты не слишком-то зарываешься? Я ведь уже согласился обучать твоего дружка, к чему ещё записывать эти видео?

Голос Цзан Гуаньмо: Он тугодум, до невероятности. Боюсь, не запомнит, нужно, чтобы почаще смотрел и практиковался.

Кто тут тугодум до невероятности?! Бессовестный лаовай, бессовестно попирающий глубокую и необъятную китайскую культуру!

Бессовестные слухи, бессовестный Цзан Гуаньмо... Чёрт, я только сегодня понял, что могу так искренне и радостно смеяться.

Бессовестный Цзяо Ян, бессовестный идиот Цзяо Ян. Позволил себя подколоть, а потом добровольно, лишь из-за одной видеокассеты с танцевальными связками, впахивал до седьмого пота.

За всю свою жизнь я не был так измотан.

Чёрт возьми, вы вообще считаете меня за человека? Так жить невозможно! Я кого угодно придушу, хоть всех сразу, лишь бы сдохнуть вместе! — теперь я стоило мне открыть глаза, сразу начинал орать на окружающих. Даже в полубредовом состоянии я изъяснялся чётко и язвительно, словно сошедшая с ума невестка. Сначала Цзан Гуаньмо пытался меня приструнить, но со временем понял, что я просто выпускаю пар, и, поскольку свою порцию пота я отрабатывал честно, он лишь весело наблюдал, как я кидаюсь на людей. Однажды он даже принёс лист зеленоватой тиснёной бумаги, положил на прикроватную тумбочку и сунул мне ручку: Цзяо Цзяо, напиши что-нибудь.

Я, не раздумывая, вывел: Я — бешеный пёс. Иду ва-банк.

Ещё и заставил Юаньбао макнуть лапу в тушь и оставить отпечаток — смотрелось внушительно, с огоньком. Мы успешно создали в комнате атмосферу ада.

За эту неделю я сполна хлебнул горя. Тренировки шли своим чередом: в языках и музыке мы все были примерно на одном уровне, и моя природная сообразительность не давала мне затеряться. Когда я с лёгкостью выпалил скороговорку про большой нож, Цзан Гуаньмо продолжал бормотать где-то в углу: Нож, нож...

Только вот в танцах про меня будто забыли. Ну и ладно. Чем больше меня игнорировали, тем сильнее разгорался мой азарт. Я запирался в пустой комнате и до изнеможения оттачивал движения. Прогресс — штука такая, ты чувствуешь его изнутри. Каждый раз, когда я пластом валился на пол, не в силах пошевелиться, в голове всплывали удивлённые лица Цзинь Ли и остальных, скрываемое восхищение А Ка и залихватский смех Цзан Гуаньмо.

Учебную кассету я посмотрел лишь раз. Чёрт, после того как такой мастер, как А Ка, указал на мои ошибки, мне не хватало не теории или техники, а просто времени и практики. Кассету я отдал Юаньбао, чтобы он её погрыз. Малыш — единственный, у кого есть совесть: он ни на шаг не отходил от меня, а когда скучал — пытался подражать моим движениям или просто спал рядом. Люй Цю, бывало, заглядывал, гладил его по животу и искал в сети советы, как похудеть питомцу.

Я думал, что жизнь будет яркой, а на деле всё оказалось до тошноты однообразно. Днём

тренировки, после ужина — Цзан Гуаньмо тащит меня в бар Большая Б, как следователь на допрос. Фэн Суй пару раз пытался напроситься с нами, но его отшили, и он остался крайне недоволен, ворча, что мы тут устроили междусобойчик.

Цзан Гуаньмо ответил: Ну да, и что с того? Мне нравится проводить время только с ним.

Я всю дорогу тупо лыбился, а когда в поле зрения показалась неброская, но манящая вывеска Lajors, я чуть не завыл от тоски. Похоже, эту жизнь я окончательно загублю в руках А Ка.

Так, в череде дневных изнурительных тренировок и ночных «дополнительных уроков», я начал стремительно расти. Цзан Гуаньмо — натуральный извращенец: чем более жалким я выглядел по вечерам и чем яростнее сверкали глаза А Ка, тем счастливее он становился. Он прямо-таки источал флюиды. В баре была певица по имени Майя, которая сохла по нему уже не первую ночь. Её томные взгляды могли заставить прорасти волосы даже на лысине. Все это видели: девчонка даже смены поменяла, чтобы быть рядом с ним, заглядывала в глаза и пыталась угодить. Но Цзан Гуаньмо был бессердечен — к ней он относился даже хуже, чем ко мне. Непонятно, зачем вообще давать человеку надежду, если тебе на него плевать? Каждый раз, когда мы возвращались в бар через заднюю дверь, я видел, как этот лаовай заигрывает с Майей, не давая ни шанса, но и не отпуская. Чёрт, быть настолько бессовестным — это тоже своего рода талант.

Ревнуешь? — остановившись у входа, Цзан Гуаньмо подхватил меня под локоть.

У меня не осталось сил, я всей тяжестью навалился на его плечо: Ревную. Сегодня, когда ел креветки, вылил на них кучу уксуса — вот как сильно я его люблю.

Он усмехнулся, обнажив зубы. Юаньбао, слышав наши голоса, выскочил из чьей-то комнаты и послушно уселся у дверей. После душа Цзан Гуаньмо массировал мне лодыжки и болтал о том, что происходит в баре. Поначалу я слушал с интересом, но вскоре это стало утомлять: какие-то странные люди, кто-то играет в карты, кто-то ищет приключений — единственный нормальный человек в этой компании, кажется, я один. Ты там, я погляжу, завсегдадай, — заметил я.

У Цзан Гуаньмо невероятно длинные ресницы, даже когда он опускал голову, на щеки падала густая тень. Он встал, похлопал меня по шее и закурил: Каждый вечер там пропадаю, как тут не освоиться? С таким-то располагающим к себе лицом.

Пф! Я попытался выхватить сигарету, но не вышло, зато он выпустил мне в лицо облако дыма. Но это всё поверхностно, да? А? Тебе ведь не так весело с ними, как со мной, правда?

Он увернулся от моего тычка, хитро прищурившись: Ты правда так думаешь?

А чего тут думать? У меня мозги работают отлично, с кем тебе может быть по-настоящему хорошо? — я запнулся. — Цзан Гуаньмо, говорю серьёзно: кроме А Ка, ни с кем из этих людей в

баре близко не сходишь. Там нет приличных ребят.

Он затаился поглубже, потушил сигарету и, громко рассмеявшись, пошагал в ванную: Пойду помоюсь. Он продолжал смеяться, так тепло и искренне, а на пороге обернулся и, приложив указательный палец к губам, послал мне воздушный поцелуй.

Я замер, не успев среагировать, а Юаньбао в ту же секунду толкнул пухлой лапкой в сторону двери, явно потеряв голову от восторга, и «поцеловал» в ответ.

Чёрт, это было адресовано мне! — я схватил Юаньбао за уши. Мелкий слепец, разозлил ты меня!

— Секси — та ещё лиса, старая и распутная.

Эти слова слетели с его чувственных губ. Цзан Гуаньмо толкал меня локтем, явно наслаждаясь тем, что меня подкалывает. Ну и стервец. Кого бы ни спрашивали, он всегда строил самую гнусную рожу: Цзяо Ян? Да кому он нужен? Надеюсь, он провалится, чем меньше конкурентов, тем лучше.

Наслушавшись такого, моё и без того уязвленное самолюбие покрылось шрамами. Я покосился на него: Ты сейчас искренен, да?

В глазах — подозрение. Бессовестный Цзяо, Цзан Гуаньмо чуть не подавился собственным смехом. Думаю, в жизни он не встречал таких неблагодарных тварей. Скажи он это А Ка — тот бы сразу отчитал его за то, что он тянет на себе обузу, и кулаки бы тут же полетели в ход.

В редкую минуту отдыха все собрались в комнате Линь И и Линь Эр. Секси крутил нарезку с живыми выступлениями самых популярных бойз-бендов мира, музыка гремела фоном, а народ разбился на кучки и болтал. Я сидел на диване, глядя в окно: Цзан Гуаньмо и Фэн Суй стояли плечом к плечу и что-то обсуждали. Ветер развеивал белоснежную рубашку Фэн Суя.

Цзан Гуаньмо явно симпатизировал ему, по-мужски, по-братски. Он не раз твердил мне, что Фэн Суй — настоящий человек, с мозгами и характером, а главное — умеет быть гибким, но при этом остаётся честным. Мне казалось, он перегибает палку. Если говорить об уме, то никто не сравнится с молодцом из семьи Цзяо. Фэн Суй казался таким светлым и простым только на фоне Цзинь Ли — вот уж кто был редкостным гадом. Он постоянно выискивал слабые места у меня и Линь Эр, только чтобы показать свою значимость. Дебил, презираю таких. Устранять соперников — дело понятное, но делай это хотя бы изящнее! Если я когда-нибудь сдохну, даже если не от твоих рук, ты первый попадёшь под подозрение. Абсолютный идиот.

Цзяо Ян, иди сюда, погадаю тебе, — Люй Цю взял меня за левую руку. — Неплохо, неплохо, линия карьеры чёткая.

Правда? Правда? — в мгновение ока вокруг Люй Цю образовалась толпа, а сам он стал для меня драгоценным камнем. — Я буду очень богат? Когда разбогатею? Куплю огромную виллу?

Люй Цю стукнул меня по лбу. Я потянул его за руку: Давай, и тебе гляну.

Куда тебе, не мели ерунды, — смеясь, согласился он.

Я ничего другого не умею, но одну линию вижу точно, не ошибёшься.

И какую же?

Цзинь Ли — тот ещё мерзавец — проявил интерес и вытянул шею. Думаю, в делах сердечных он полный ноль. Я не стал стесняться и, глядя прямо в глаза Люй Цю, многозначительно произнёс: Линия сердца.

Улыбка Люй Цю моментально стала натянутой, уголки губ дрогнули так, что смотреть было больно. Да... смотри, — он перевернул ладонь к нам. — ...она прерывается.

У меня сердце ёкнуло. Я инстинктивно поискал глазами Секси. Он с задумчивым видом потирал подбородок, глядя куда-то в сторону. Я проследил за его взглядом и чуть не выронил глаза: Юаньбао, забравшись на шкаф, долго сверлил взглядом Хамутаро и, наконец, раздражённый идеальной улыбкой врага, пустил в ход когти. Началась дуэль! Раздался грохот, он повалил соперника, топтался по нему, а потом, празднуя победу, вильнул задом и смешно переставил лапы, имитируя шаг из поппинга. Нелепо, по-звериному, но с таким гордым видом, что просто слов нет.

По лбу покатился пот. Секси смеялся до колик, обернувшись ко мне: Цзяо Ян, кто его этому научил? Нам надо поговорить.

После разговора с Секси я уныло сидел в саду. Солнце палило нещадно, спина взмокла, и, вспомнив, сколько ещё предстоит пережить, мне захотелось тайком сбежать. Собрать вещи, украсть кошелек Цзан Гуаньмо и валить отсюда подавно. Чёрт с ним, с этим идеалом, это вообще не мой путь. Зачем я ввязался в это? Зачем тратить силы, превращаясь в ходячий труп? Зачем всё это ради того, кого... того, кого...

Чёрт, «тот самый» шёл в мою сторону с голым торсом. Есть ли кто более самовлюблённый, чем он? Соблазняет меня... Да, соблазняет, он уже давно на это нацелился.

Я прищурился от солнца, и все злые мысли разом вылетели из головы.

На, — Цзан Гуаньмо, повадками напоминающий пса, любил сидеть на траве, подпёршись руками. Он бросил мне банку ледяной воды. Я не стал ломаться и тут же приложился к ней. В такую жару — самое то. Я придвинулся к его груди, прилип.

Соблюдай дистанцию, не распускай руки, — смеясь, оттолкнул меня Цзан Гуаньмо, но я упёрся лбом в его плечо. На словах я был грозен, а на деле — да что уж там, мне нравится так наглеть.

Мы боролись, дурачились, но стоило Цзан Гуаньмо приложить силу, как я начал ныть. Нечестно! Всё детство другие ели мясо, а я — траву, вот он и побеждает. Бессовестный!

Мелкий, а всё туда же — решил со мной тягаться, — Цзан Гуаньмо заломил мне руки за спину, прижал к себе. Я чувствовал жар. Сердце колотилось, словно пойманная блоха. Грозным тоном он спросил: Что Секси тебе наговорил?

Я обмяк, глядя на него затуманенным взором: Ты знаешь, что в следующий понедельник экзамен?

Да, слышал.

Он решит, останусь я здесь или нет. Понимаешь?

Слушай, — он стукнул меня по лбу. — Останешься ты или нет — зависит только от тебя. В делах, за которые берётся Цзан Гуаньмо, не бывает слова «провал».

Мне хотелось плюнуть ему в лицо. Возомнил тут себя императором? Иди к чёрту, при императоре либо служанки, либо евнухи, а мне ни то, ни другое не подходит.

Я продолжал ныть: Я пашу как проклятый, только чтобы остаться.

Понимаю, понимаю. Звезда, богатство, большие бриллианты, — смеялся он.

— ... — я не мог отрицать, смахнул пот. Жарко... кожа буквально горела. Такая жара — отличный повод, на неё можно свалить любую оплошность. — И ещё ради одного человека.

Сначала он рассеянно мычал, но, услышав мои слова, внезапно весь напрягся. А... а? Губы его дёрнулись в гримасе. Он присел передо мной: Что ты только что сказал?

Чёрт, это разве лицо человека? Я напрашиваюсь на неприятности, родители жалели, а я сам себе отвесил пощёчину.

Если бы он смеялся, как обычно, я бы мог огрызнуться или пнуть его, даже если бы от этого мы оба переломали кости.

Если бы он торжествовал, что добился своего, мы бы стали просто двумя парнями, погрязшими в пороке.

Но его растерянность... Я решил прикинуться дурачком. Гнев? Я решил притвориться жертвой, гормоны там, всё такое.

Но то, что было у него на лице... это был страх, который я не забуду до конца жизни.

Я — вирус.

Чёрт, чего ты так перепугался? Я сказал, что ради тебя? Я сказал, что это ты? Я вообще не похож на вирус, я такой честный и здоровый, считаю быстро, выгляжу симпатично, девчонки любят... Ты сам меня спровоцировал, специально подставил, а я весь день терзаюсь из-за Чжоу Ли... Чёрт, чёрт возьми!

Мне не нужно было зеркало, чтобы почувствовать, как дрожат мои черты лица, от самых бровей. Я слышал, как стучат мои зубы.

Цзяо Цзяо... слушай, — лицо Цзан Гуаньмо тоже стало белее полотна, видимо, я его напугал. — Не надо играть в такие игры.

Ничтожество, слабак. Всё-таки я слабак. Научился прикидываться дураком. О чём ты? Ты спрашиваешь, что я только что сказал? Я сказал, что Секси предложил сделку: если я соглашусь, он обеспечит мне славу и богатство.

Цзяо Цзяо... — он подозрительно уставился на меня, а потом опустил голову, не зная, на кого сердиться. Он с досадой, очень грубо, ударил себя по голове и повалился на землю. Ну и... что он от тебя хочет?

То самое.

Какое «то самое»? — он нахмурился, глядя на меня совсем не по-доброму.

— ... —

— Ты не смей бросать слова на ветер! Говори прямо, что он хочет?

Стать его «уткой».

— ... —

— ... —

Чёрт возьми! После удушливой паузы Цзан Гуаньмо яростно вскочил на ноги. Его лицо

превратилось в маску демона. Я смотрел на него холодным взглядом, чувствуя горькое удовлетворение. Забудь, я уже согласился.

Я сделал это намеренно, придав лицу максимально презренное выражение.

В следующую секунду он вцепился мне в горло.

Дыхание перехватило лишь на три секунды. Не успел я испугаться, как он разжал пальцы. Я схватился за горло и зашёлся в кашле, грудь так сжало, что болели даже кости. Он стоял рядом, скрестив руки на груди, и смотрел сверху вниз: Понял, что страшно? Зачем было врать?

Я махнул рукой и вlepил ему пощёчину: Извиняйся, я чуть не сдох.

Скажи правду, тогда извинюсь.

Да пошёл ты, мне не нужны твои фальшивые извинения.

Я развернулся и ушёл.

Наверное, это было бегство.

Чушь! Цзяо Ян — железный человек, он никогда не боится.

Вечером я сидел за стойкой в Lajors, глядя на толпу разгульных людей, потягивал коктейль и всё рассказал А Ка.

— Секси — человек проницательный, он сразу увидел суть вещей и разработал для меня план обучения. С этой недели каждый день после полудня — бег, развиваю выносливость.

А Ка тщательно протирал бокал. Удивительный чудак: бокалы для него как женщины, он их нежно ласкал, не уставая.

Натерев всё до блеска, А Ка погладил подбородок: Ваш босс думает так же, как я. Вчера мы с ним обсуждали это, — он кивнул на Цзан Гуаньмо, который вытянул шею и подслушивал. Я весь вечер демонстративно не обращал на него внимания: после ужина не стал ждать, пошёл пешком. Он тащился за мной на мотоцикле полчаса, а потом, разозлившись, бросил его на дороге, и мы два дурака полчаса шли молча. Я про себя подумал: чёрт, никакой бег не нужен, переходим на спортивную ходьбу. — Он сказал, что база у тебя терпимая, но выносливости не хватает.

Я рассеянно огляделся, даже не удосужившись поднять взгляд: Тут есть кто-то ещё?

Цзан Гуаньмо издал горловой звук и окликнул Майю: Потанцуем?

Девчонка так задрожала от возбуждения, что голос её стал писклявым: Потанцуем, да я тебя не боюсь!

А я боюсь тебя, милая, — он непристойно улыбнулся и залпом выпил весь бокал.

Животное, — зло прошипел я, наблюдая, как он тянет её в центр зала. Майя оцепенела, её ноги словно отказались двигаться.

Чёрт.

А Ка странно посмотрел на меня, потом на них, и, что-то поняв, нахмурился: Что происходит?

У меня спрашиваешь? Сходи у него спроси, он меня сегодня чуть не придушил.

Брови А Ка нахмурились ещё сильнее: Не может быть. У парня по фамилии Цзан отличная выдержка. С чего бы ему терять контроль из-за тебя? Чем ты его вывел?

Я ударил по столу: А Ка, ты предвзят! Он сам предложил мне условия, кто в здравом уме в такое поверит? Даже если бы так, не ему меня уничтожать!

— ...Так вот оно что, — А Ка глубоко вздохнул, поднял глаза и пронзительно посмотрел на меня. — Цзяо Ян, ты сделал это нарочно. К какому выводу ты хотел прийти? Пытался вытянуть из него признание?

Я вздрогнул. Меня раскусили, и это вызвало приступ ярости.

А Ка вздохнул, вышел из-за стойки и сел рядом. Долго молчал, потом снова вздохнул и погладил меня по волосам. В этом сочувствии, обнажающем всё нутро, было столько жалости, что я почувствовал себя совершенно разбитым. Прекрати, не надо так со мной.

Ладно, не буду. Но послушай меня, — А Ка стал серьёзен. — Цзяо Ян, уходи. Не погружайся дальше, ничего хорошего из этого не выйдет ни для тебя, ни для него.

Я сжал губы и промолчал. Голова раскалывалась.

А Ка сказал: Цзяо Ян, ты не знаешь его прошлого, а я знаю... Не обижайся на правду, но Цзан Гуаньмо... он не сможет тебя полюбить.

У него толстая кожа, но сердце — размером с булавочную головку.

Этот шип наконец вонзился в самое сердце. Кровь хлынула рекой, боль стала невыносимой.

В тот вечер А Ка молча сидел рядом со мной. Наверное, он ждал, что я начну отрицать или спорить, но я не проронил ни слова. Словно деревянный, я смотрел в пол — узор плитки напоминал древние монеты. Разбогатею, точно.

Спустя долгое время пришёл Цзан Гуаньмо, весь потный, но сияющий и энергичный. Он толкнул меня в плечо: Цзяо Цзяо, хочешь пойти оторваться? Тут так здорово! Слушай, жизнь — отличная штука, танец — вещь, помогает обо всем забыть.

Майя рядом с ним самозабвенно дёргала его за рукав: Хватит болтать, пошли танцевать! Сегодня не позволю тебе уйти рано, нужно оторваться по полной.

А Ка невозмутимо смотрел на нас обоих.

<http://bllate.org/book/21141/2144109>